

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНИМОСТИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ, ВЫНОСИМЫХ ПО ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ИСКАМ

В статье рассматриваются проблемы исполнимости судебных решений, вынесенных по преобразовательным искам; затронуты причины существенных ограничений исполнительности конститутивных решений на практике.

Ключевые слова: преобразовательный иск, судебное решение, исполнительность, исполнимость.

Общеизвестно, что любое правоотношение есть результат развития права: в гражданском или арбитражном процессах подача истцом искового заявления и принятия его судом к производству означает развитие судопроизводства. Несомненно, на практике возможны ситуации, когда ход процесса вследствие прекращения или отложения производства по делу претерпевает определенные отклонения, однако они могут рассматриваться как погрешности, которые на характер гражданского процесса сами по себе не влияют. Одновременно возбуждение исполнительного производства выступает в качестве самостоятельной процедуры, в основу которой положено правообразующее действие лица, возбуждающего исполнительное производство. Однако основу возникновения каждого производства составляют различные аспекты: так, каждая стадия гражданского процесса возникает как бы автоматически, т. е. заканчивается одна, следом возникает другая [1. С. 13]. В отношении исполнительного производства позиция несколько иная. Необходима предпосылка – исполнительное производство никогда не возникает без специального условия: взыскатель должен предъявить к исполнению исполнительный лист или иной исполнительный документ, выданный судом на основе судебного решения, направленного на защиту права гражданского. Иными словами, исполнительные правоотношения оказываются вторичными по отношению к процессуальным. Здесь субъектный состав претерпевает изменения: помимо суда, взыскателя (лица, выигравшего процесс) появляется лицо, могущее в силу закона осуществить принудительную реализацию

судебного решения. Нельзя не учитывать, что именно судебный пристав-исполнитель или иной орган исполнения выступает в качестве центрального субъекта правоотношения, роль суда в этом случае существенно снижена, возможны ситуации (и их большинство), когда суд не является субъектом исполнительных правоотношений. Отсюда следует, что пристав, получив на руки исполнительный лист, выполняет функцию «реализации судебной защиты», другими словами, претворяет ее в жизнь. Таким образом, исполнительность наделяется качеством принудительности, поскольку априори предполагается, что если взыскатель обращается к исполнительному органу с исполнительным документом, должник добровольно реализовать возложенную на него обязанность отказывается. Следовательно, с теоретической точки зрения более удобным видится конструкция, согласно которой исполнительность представляется принудительным осуществлением обязанности, установленной решением суда, с помощью соответствующего государственного органа [2. С. 23]. Иными словами, исполнительность как часть судебного решения находится за границами его свойств. Более того, практическая реализация подобного утверждения прямо вытекает из анализа ст. 210 ГПК РФ, предусматривающей, что судебное решение приводится в исполнение только после вступления его в законную силу. Здесь момент вступления судебного решения в законную силу выступает моментом перехода эстафеты регулирования правоотношения от гражданского процессуального права к праву исполнительному. Подобная аналогия просматривается также при анали-

зе спора о праве гражданском как звено перехода материального права к праву процессуальному. Использование спортивной терминологии предполагает, что эстафета перехода возможна только при наличии причинно-следственной связи, таким образом, исполнительное производство должно выступать следствием, а гражданский процесс – причиной. Но в этом случае законная сила судебного решения выступает основополагающей идеей, претворяющей в жизнь государственную волю, выраженную в судебном решении. В таком случае возникает вопрос о том, все ли судебное решение либо только его часть вступает в законную силу. Однако в этом случае будет произведена подмена категорий деятельности (исполнительности) как признака и одновременно элемента свойства (обязательности) отдельного акта, которая в своем случае выступает признаком института законной силы, а последняя есть свойство самого юрисдикционного акта [3. С. 23]. Необходимо ввести уточнение, которое коснется в первую очередь качества переходности, а затем и самого момента перехода. Так, «переходность» судебного решения будет предполагать юридическую возможность изменения: 1) вида деятельности всех субъектов правоотношения; 2) правоотношения, уже существующего, с возможностью появления нового правоотношения с появлением нового субъекта права. Что касается момента перехода судебного решения от процесса к исполнительности, то здесь определяющим фактором будет выступать момент вступления судебного решения в законную силу. Таким образом, вступление судебного решения в законную силу является отправным механизмом к появлению нового правоотношения – исполнительного, и нового субъекта права – пристава-исполнителя. Иными словами, момент вступления судебного акта в законную силу есть юридический факт, с которым норма права связывает возникновение исполнительного правоотношения.

Не следует забывать, что ст. 210 ГПК РФ предусматривает возможность немедленного исполнения судебного решения в случаях, прямо предусмотренных федеральным законом. Следовательно, рассмотрение свойства исполнительности как части законной силы судебного решения требует более пристального внимания. Прежде чем приступить к выявлению характеристики

категории «исполнительности» в гражданском процессе, необходимо с целью конкретизации провести границы исследования. Так, с одной стороны, исходя из анализа норм исполнительного производства, по общему правилу принудительному исполнению подлежат только иски о присуждении [4. С. 8], а в отношении исков о признании презюмируется, что они подтверждают наличие правоотношения и реализуются только при наличии волеизъявления заинтересованных лиц, государственных органов, а также должностных лиц [5. С. 51]. Если в отношении первого вида исков исполнительное производство прямо предусмотрено законом, то для второго вида судебное разбирательство может быть завершено исполнительным производством только в случае, когда судебным решением предусмотрена процедура взыскания части или всей суммы судебных расходов, т. е. исполнительный механизм выступает побочным элементом «процедуры защиты». Таким образом, применение механизма принудительной исполнимости судебного решения, вынесенного по иску о защите права гражданского, выступает как гарантия реализации решения правоприменителя при условии отсутствия добровольного исполнения со стороны лица, обязанного по этому решению.

С другой стороны, рассмотрение состава свойств, включаемых в содержание законной силы судебного решения, позволяет сделать вывод о том, что законная сила есть не только арифметическая сумма тех или иных свойств, а именно совокупность всех свойств, которыми обладает конкретное дело [6. С. 14]. Поэтому свойства и решения находятся в тесной взаимосвязи, раскрывающей их правовую природу посредством единства частей одного целого, в каждой из которых основу составляет сила суда как юрисдикционного органа государства, выраженная через решение. Подобный подход позволяет судье в момент постановления своего решения наделять его сразу всеми свойствами, которые характеризуют проявление его законной силы. Сказанное гипотетически свидетельствует о возможности проявления любого свойства, в том числе и исполнимости, сразу после вынесения решения судьи. Конечно, на практике подобная ситуация в принципе невозможна исходя из гарантий правильности и обязательности решения правоприменителя судов

первой инстанции. Однако законодатель, используя для характеристики силы решения суда термин «законная сила», подчеркивает правомерность механизма обязательного действия, в котором проявляется властное начало суда, постановившего решение, наделенное силой обязательного воздействия. Кроме того, обязательность судебного решения как акта государства наделяет суд правом воздействия на права и обязанности субъектов правоотношения посредством их принудительного регулирования, для реализации которого государство направляет весь механизм принудительного осуществления. Следовательно, механизм обязательного действия и механизм принудительного осуществления есть две составляющие проявления свойств судебного решения во вне, каждый из них составляет базис существования любого судебного решения, однако в зависимости от вида судебного акта далеко не каждый из них проявляется во вне в качестве обязательного свойства акта юрисдикционного органа. Не случайно свойства судебного решения представляются в виде арифметической суммы составляющих, а не алгоритма, в котором один элемент всегда строго следует за другим. Это позволяет предположить, что судебное решение в момент его вынесения одновременно наделяется всеми свойствами сразу, в нашем случае – признаками исполнимости и обязательности, и порядок следования здесь не важен. Таким образом, момент исполнимости судебного решения уже заложен как признак проявления законной силы, т. е. решение суда исполнимо как «вещь в себе». Иными словами, вне зависимости от того, добровольно или принудительно исполнит свои обязанности ответчик, в силу своей обязательности судебное решение уже заранее ориентировано на исполнимость. Конечно, в зависимости от вида иска, направленного на защиту управомоченного лица, характер исполнимости либо выдвигается на первый, либо отодвигается на второй план, но в любом случае признак исполнимости есть не сопутствующий признак законной силы судебного решения, а его составное свойство. Именно потому в законе могут предусматриваться казусы, когда решение приводится к немедленному исполнению: здесь промедление в исполнении означает лишение его смысла – элемент исполнимости ориентирован на

последующее вступление решения в законную силу. Таким образом, категория исполнимости заложена в любом судебном решении вне зависимости от вида иска, по которому оно вынесено.

Кроме того, решение судьи приобретает обязательное действие в виду отнесения его к индивидуально-регулирующим актам, поскольку суд, применяя норму права, регулирует конкретное спорное правоотношение. Вместе с тем следует подчеркнуть, что решение суда сначала отвечает на вопрос о том, какое правоотношение существовало или не существовало между сторонами, были или не были нарушены права сторон, а затем уже содержит указания, как разрешить правовой спор [7. С. 4]. Как акт индивидуального характера судебное решение регулирует спорные правоотношения, поэтому как регулятор общественных правоотношений суд посредством вынесения своего решения может их либо видоизменить, либо оставить такими, какие они есть, либо преобразовать. Вне зависимости от способа разрешения предполагается, что субъекты в рассматриваемом правоотношении находятся в состоянии спора или в положении противоречия [8. С. 6]. В то же время, по общему правилу, с момента разрешения спорного правоотношения или с момента вынесения решения суд наделяет рассмотренные правоотношения «жизнью» в виде придания их содержанию обязательности в модели поведения каждого из его участников. Именно наличие спора о праве гражданском наделяет судью обязанностью разрешить дело компетентно и по существу и одновременно снять с правоотношения, которое находится «в процессе рассмотрения» субъективной, т. е. внутренней, неопределенности. Временной период, охватывающий начальный этап, когда суд принимает гражданское дело к своему рассмотрению, и заканчивающийся моментом вынесения решения с последующем его оглашением, позволяет судье снять с рассматриваемого правоотношения объективную, или внешнюю, неопределенность. Именно объективная сторона неопределенности в поведении сторон свидетельствует о невозможности поиска добровольного компромиссного способа разрешения конфликта и отсутствию у правой стороны возможностей реализации своей правоты. Внутренняя неопределенность преодолевается в процедуре определения сущности ин-

тересов сторон, участвующих в деле. Указанное требует уточнения: что понимается под «сущностью» интересов – нахождение сторон в состоянии спора или в положении противоречия. Если в первом случае этимологическое значение спорности предполагает наличие разногласия интересов сторон, то во втором случае значение противоречивости состоит в противоположности интересов. Применительно к процессуальной стороне рассмотрения возникшего между сторонами конфликта существенным будет выступать именно наличие разногласия между контрагентами, поскольку структура цивилистической мысли построена по принципу антипода «согласие (соглашение) – разногласия». Следовательно, преодоление субъективной неопределенности на деле фактически означает установление внутренней позиции каждого из контрагентов правоотношения, а это, в свою очередь, позволяет правоприменителю заранее найти тот единственный способ, позволяющий преодолеть объективную неопределенность – определить природу правоотношения и определить норму права, могущую стать рычагом (регулятором) приведения сторон к разрешению возникшего правового казуса. Таким образом, судебное решение, вынесенное на основе нормы права, осуществляя ее регулируемую функцию, устанавливает специфику правоотношения и выбирает путь, чтобы установленное правоотношение существовало в рамках правового поля. Здесь установление существования правоотношения выступает инструментом преодоления неопределенности в правоотношении. Выбор пути, как правило, ограничен, более того, обязательность судебного решения заранее предполагает путь его исполнимости. Ведь, обращаясь в судебный орган, заинтересованная сторона, заранее предвидит судебное принуждение исполнимости своих частноправовых интересов. Следовательно, судебное принуждение, в конечном счете, – не цель, а средство ее достижения. И путь достижения и исполнения цели может быть осуществлен как против, так и помимо воли обязанного лица.

Представленные законодателем способы защиты гражданских прав подразделяются на материально-правовые и процессуальные. Первый вид защиты подразумевает вынесение акта по применению норм права, приговору к совершению какого-либо

действия либо отказа от него, или признания правоотношения. Второй вид проявляет свой объем правовой силы через реальное изменение (преобразование) правоотношения. Соответственно оба случая наделяются рядом соотносимых и противоречивых черт, состоящих, во-первых, в различии субъектной составляющей, во-вторых, в возможностях предоставления достаточного уровня реализации защиты. Иными словами, по своей природе материальные средства защиты могут быть осуществлены только субъектами материального правоотношения либо органами исполнения юрисдикционных актов [9. С. 8]. Следовательно, объем защиты в данном случае может достигать максимального уровня за счет средств, предоставляемых законодателем для субъектов правоотношения, требующих разрешения возникшего конфликта посредством вынесения именно регулирующего акта. В то же время выделение второго субъекта данной группы видится несколько противоречивым, поскольку, если по правоотношению выносятся правовой акт, то, по общему правилу, предполагается, что его исполнение требует принудительных мер воздействия, которые будут обеспечиваться специальным органом-исполнителем. Однако с момента передачи акта (вынесенного правоприменителем, по требованию заинтересованных сторон правоотношения) возникает новое правоотношение – процессуальное, поглощающее основное по принципу «входа предыдущего в состав нового». Это позволяет задаться вопросом, как будет осуществляться защита и в каком объеме, если судебное решение представляет собой правовой акт индивидуального характера, разрешающий возникший между сторонами конфликт путем либо оставления таким, какое оно есть, либо присуждением чего-либо, либо его видоизменением. Получается, что судебное решение наделяет исполнительный орган не только силой реализовывать свой акт, но применять по общему большинству дел в отношении должника меры дополнительного воздействия. Таким образом, материально-правовые средства защиты по своей структуре в качестве остова предполагают у субъектов правоотношения с целью защиты своих интересов право на обращение к компетентному органу, который до этого момента к правоотношению никакого отношения не имеет. В то же время с момента

вступления правоприменителя в процесс разрешения возникшего между сторонами конфликта на горизонте возникает фигура принудительного исполнения актов суда – орган исполнения.

Выделение второй группы – процессуальных средств защиты – предполагает возможность указания и особого субъекта, осуществляющего процессуальные меры воздействия. Такими субъектами будут юрисдикционные органы, которые посредством вынесения своего решения разрешают и рассматривают переданное на их усмотрение правоотношение с позиции права и закона. Здесь судебное решение может рассматриваться как завершающий элемент процессуального способа защиты права, предоставляющий в полном объеме возможность защиты, предусмотренную законодательством.

Таким образом, разделение способов защиты на группы предоставляет возможность рассмотрения судебного решения с активной и пассивной позиций. Так, активная составляющая проявляется прежде всего преломлением правоотношения (существовавшего между сторонами и обратившихся за помощью к суду при возникновении между ними конфликта) через норму права, в итоге оформленное в виде акта индивидуального характера. Пассивная часть представлена особой формой документа с соответствующими реквизитами, в котором содержатся меры и способы разрешения и рассмотрения возникшего конфликта по существу. Именно появление последнего элемента предполагает возможность раскрытия сущности исполнения. Иными словами, не момент обращения заинтересованных субъектов к правоприменителю с требованием помощи, а момент вынесения судьей решения наделяет его акт силой исполнительности, в которой элемент исполнения в зависимости от вида иска будет проявляться по-разному.

Подводя итог сказанному, хочется отметить, что проведение границ исследования позволит избежать выхода за рамки темы исследования, тем самым сузив изучаемую проблематику до требуемого объема. Более того, объявленные границы позволят соотносить проблемы исполнимости решения суда как индивидуального регулирующего акта, содержащего не только начало вступления в действие механизма принудитель-

ного исполнения по отношению к обязанному лицу, но и возможности видоизменения правоотношения, в том числе и сферу его исполнения, за счет прямого указания нормы права.

Четкое определение граней изучаемой проблематики способствует более детальному уяснению смысла и содержания не только общей категории права, но и ее частных проявлений. Поэтому момент вынесения судом решения есть момент наделения его всей полнотой законной силы, состоящей из совокупности свойств, могущих проявиться либо все вместе, либо по одному. И это проявление свидетельствует об ориентированности судебного решения на исполнение вне зависимости от добровольности в исполнительности обязанного лица. В то же время судебное решение выступает аккумулятором возможностей осуществления через юрисдикционный орган права управомоченного субъекта отношения в вопросе определения реального исполнения правоотношения, приобретение функции «сосредоточения возможности» возникает только после момента вынесения решения юрисдикционного органа государства, могущего рассматривать и разрешать возникший конфликт по существу. Иными словами, анализ будет касаться только вопросов проявления исполнительности как одного из свойства решения суда, предполагающее по своему смыслу колею действия механизма принудительного обязывания к совершению действия или отказа от него.

Итак, исследование вопросов исполнительности в осуществляемом изыскании будет находиться в четких границах или рамках, позволяющих выявить характерные черты категории исполнительности, которые в дальнейшем можно будет применить при анализе исполнимости конкретной группы судебных решений – решений, вынесенных по преобразовательному иску.

Любое правовое явление, обладающее рядом характерных черт, может рассматриваться с различных теоретических и практических подходов, выбор которых опосредуется достижением цели, поставленной перед исследователем. Поэтому вначале необходимо определиться, с какой конкретной целью данная категория существует и развивается в общеправовом значении, затем перейти к частным случаям проявления ее природы. Подобный подход не только спо-

способствует формированию наиболее оптимальной картины представления главной, существенной или единственно верной цели, но и вскрывает дополнительные, побочные черты ее проявления, несущие скорее вторичные частности ее проявления, однако позволяющие рассматривать цель с позиции достигаемого результата в конкретном случае его проявления. Говоря языком логической семантики, выражение смысла существования того или иного явления основано на проявлении частных случаев и составленных из них концептуальных подходов. Сказанное, применительно к данному исследованию, позволяет сделать ряд выводов: 1) исполнительность как явление направлено на выполнение, по общему правилу, главной цели; 2) осуществление основной цели исполнительности возможно только при вскрытии как минимум одной дополнительной цели, задающей как максимум тон или характер исследования. Иными словами, предположим, что исполнительность судебного решения своим существованием преследует одну главную цель, одновременно выполняет побочную, без раскрытия которой основная цель теряет качества главной. Это позволит в одно и то же время проанализировать характер направленности исполнительности судебных решений и выявить специфику особенностей исполнимости конститутивных решений суда.

Выявление природы преобразовательного иска и решения, вынесенного на его основе, привело исследование к утверждению, что основы данных процессуальных институтов зиждутся на действии охранительных норм права. Более того, как отрасль права гражданское процессуальное право направлено в первую очередь на охрану права гражданского, поскольку законодатель прямо предусматривает, что всякое заинтересованное лицо вправе обратиться в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права, законного интереса или свободы. Следовательно, суд своим решением аккумулирует охранительную систему государства, так как в нем выкристаллизовываются основные черты охранительной деятельности всей судебной деятельности [10. С. 14]. Здесь решение суда не только выполняет охранительную функцию с позиции реализации действия охранительных норм процессуального права с целью обеспечения нормального существования правоотношений, но и

способствует проявлению действия охранительной санкции как меры достижения принудительного исполнения судебного акта, касающегося определения воли должника, противной его собственной. Несомненно, вторая составляющая реализовывается в большинстве случаев не автоматически, по сложившимся в судебной практике правилам, только по решениям о присуждении в случае отсутствия добровольного исполнения со стороны обязанного лица у суда появляется возможность их принудительного исполнения. Сказанное позволяет предположить, что по всем иным видам решений суда действие охранительной функции будет обеспечиваться какими-то иными дополнительными мерами, составляющими в конечном счете комплекс мер, обеспечивающих его исполнение. Если в отношении решений, вынесенных по искам о признании, содержание функции включает в свой состав также меры государственно-управленческого, дисциплинарного характера [5. С. 51], то в отношении решений преобразовательных содержание расширяет свои границы за счет включения еще и организационных мер, направленных на точное следование нормам закона. Иными словами, вне зависимости от вида судебного решения оно направлено в первую очередь на охрану права, а затем, практически одновременно, на реальное выполнение тех предписаний, которые были сформулированы судьей в своем решении при рассмотрении правового конфликта между сторонами правоотношения. Здесь исполнение судебного решения будет опосредоваться механизмом его осуществления как акта индивидуального характера, содержащего определенную сферу давления на поведение субъекта правоотношения, выступающего в качестве регулятора поведения обеих сторон в правоотношении. По общему правилу, если решение суда затрагивает вопросы, касающиеся нарушений или оспаривания прав, возникновения конфликтов, то решение судьи будет либо решением о присуждении, либо решением о признании. И это воплощает принцип прямого действия нормы права, преломленного через судебное решение. В том случае, если судья своим решением конкретизирует правовое предписание путем формулирования поведения каждой из сторон в правоотношении, то налицо преобразовательное судебное решение.

И в первом, и во втором случае судебное решение осуществляет на основе нормы права регулирование всех вопросов, возникающих как на начальном этапе возбуждения производства по делу, так и на этапе своего исполнения. Другими словами, судебным решением затрагиваются вопросы определения предмета правоотношения, определяется и оценивается квалификация юридических фактов и анализируется с позиции соответствия правовой нормы объем и характер поведения каждого участника правоотношения. Таким образом, как акт права судебное решение наделяется индивидуальной направленностью, позволяющей правоприменителю не только применять право при разрешении конфликта, но и в случаях, прямо указанных в законе, осуществлять реализацию акта применения права самостоятельно. После того как судебное решение выносится, то правоотношение, которое существовало до обращения в юрисдикционный орган, как бы «отклоняется» от своего первоначального вида. Здесь отклонение означает различные вариации в разрешении конфликта, возникшего в правоотношении, выбор из которых опосредован мнением судьи, основанном на норме права и оформленном в виде решения. Это значит, что отклонения будут опосредоваться целями судебного решения, и, как следствие, целью его исполнимости, т. е. либо на его основе будет издан акт исполнения, который в дальнейшем будет выступать основой для исполнительного производства, либо судебное решение будет содержать исполнительность в себе и будет подлежать исполнению немедленно в момент своего вынесения. Это отражает эффективность судебной защиты права гражданского и позволяет выявить принципы обеспечения права не только на уровне его защиты, но и на уровне его реализации и исполнимости. Из решения суда, вынесенного по иску, следует, во-первых, обеспечение механизма правильности и своевременности в разрешении дела по существу, во-вторых, обеспечение реального осуществления субъективного права, охраняемого законом интереса и свободы. Более того, исходя из предусмотренного предписания нормы, решение суда в ряде случаев обязано содержать указание на момент обеспечения права – его исполнимость. Указанное достигается за счет обеспечения материально-

правовых целей. Соответственно в зависимости от вида решения цели, на которые направлено вынесения судебного решения, не выступают единым звеном, поскольку судебная защита как категория процессуального права представляет собой разнспектровую единицу, наделенную законодателем многоцелевым характером. Следовательно, исследование исполнимости решения с позиции определения цели ее достижения будет основываться, с одной стороны, на утверждении, что прямое закрепление процесса достижения результатов в судебном акте (т. е. целей судебного решения) не всегда обладает единством итогов, с другой стороны, отсутствие единственного начала в определении конечных результатов решения свидетельствует об отсутствии универсальных показателей реализации любого вида решений [10. С. 22]. Поэтому исполнимость судебного решения будет опосредоваться достижением прямой цели в зависимости от вида решения и косвенной (факультативной, второстепенной) в зависимости от конечного результата, достигаемого в процессе осуществления способов защиты права. При этом прямая цель будет находиться в прямой зависимости от той цели, которую преследует решение суда, вынесенное по любому из видов иска, факультативная цель будет отражать процесс исполнения решения суда, а также будет указывать на того субъекта, который будет принимать участие в данном процессе с позиции надления его силой механизма принудительного осуществления судебного решения.

Возьмем, к примеру, классическое решение суда о присуждении исполнения обязанности в виде совершения какого-либо действия. Здесь целью, преследуемой решением суда, будет выступать указание на присуждении в выполнении действия, т. е. посредством вынесения решения достигается определенный о вещественный результат. Соответственно прямой целью исполнимости судебного решения будет именно достижение процесса исполнения решения о присуждении, косвенная цель представляется в виде передачи процесса исполнения решения о присуждении специализированному органу, могущему на основе решения суда способствовать его исполнению в принудительном порядке. В том случае, если налицо решение о при-

знании, то целью решения суда будет являться изменение поведения субъекта правоотношения в соответствии с той моделью, которая была разработана судьей в процессе применения правой нормы. Иными словами, решения о присуждении будут иметь место только в том случае, когда налицо все предпосылки для устранения неясности или неопределенности в правоотношении субъектов. Поэтому целью решения будет выступать процесс устранения условий, при которых у управомоченного лица возникают препятствия в процессе реализации права, в том числе формирование у обязанной стороны программы поведения действий, направленных на воздержание от их совершения, по причине вынесения решения суда об охране интересов лица, обратившегося в суд за защитой права. Здесь прямая цель исполнения представлена этапом воздержания от действий, затрагивающих правовое положение обязанного субъекта правоотношения, косвенная будет являться аналогичной, как и у решений о присуждении. Таким образом, выделение конкретного результата, на достижение которого направлено вынесение судебного решения, позволяет одновременно выявить цель исполнительности решения, вплоть до определения субъекта, осуществляющего процесс исполнения того или иного судебного акта, наделенного полномочиями принудительного вмешательства в него.

Поскольку законодательно основания преобразования правоотношений представлены достаточно разнообразно, можно сделать вывод о том, что преобразовательные решения в процессе своего исполнения претерпевают ряд существенных ограничений. Однако это не совсем так: установив, что решения суда, вынесенные по данному виду исков, не содержат указание на обязанность ответчика совершить какие-либо действия или воздержаться от их совершения [2. С. 25], заранее была указана цель вынесения решения суда – внести в существующее правоотношение изменения в соответствии с нормой права, предусматривающей возможность изменения правоотношения посредством волеизъявления управомоченного субъекта в виде его преобразования. Заявленная цель может быть достигнута только при наличии как минимум двух условий: предусмотренный нормой права случай и судебное решение, вынесенное по данному

правовому казусу. Именно сам факт вынесения решения будет означать факт достижения цели. Соответственно цели судебного решения следует выявить цели исполнения данного вида решений. Однако здесь возникает ряд проблем. Во-первых, в законе прямо сказано, что защита прав субъекта достигается через судебное решение, являющееся основанием возникновения правоотношения (ст. 8 ГК РФ), и могущее служить основанием для преобразования правоотношения (ст. 12 ГК РФ). Следовательно, моментом достижения цели преобразовательного судебного решения будет момент вынесения судьей решения по существующему правоотношению с внесениями в его содержание установлений, изменений или прекращений. Иными словами, факт вынесения решения есть факт придания решению правоприменителя одновременного проявления в момент вынесения всех свойств судебного решения, в том числе и исполнимости, т. е. решение судьи, вынесенное по преобразовательному иску, исполнимо с момента своего провозглашения. Указанное действие судьи влечет ряд негативных последствий: с одной стороны, механизм исполнения воли правоприменителя для данного вида решений по своей природе к подобного рода разрешениям конфликтов не подходит, а иного механизма не существует, с другой стороны, управомоченное лицо, имея на руках судебное решение о преобразовании правоотношения, рискует попасть в ситуацию, когда обязанное по иску лицу не будет иметь никакого отношения к правоотношению, возникшему уже после вынесения решения по иску, предъявленному в суд. Сказанное усугубляется также и тем, что преобразовательное решение судьи, вынесенное по предъявленному иску, сводит к минимальному результату само существование целей исполнения, поскольку прямая соотносимость целей судебного решения и его исполнимости свидетельствует о том, что конститутивное решение самодостаточно: в содержании указывается норма права, позволяющая не только преобразовать правоотношение, но и установить его конкретный состав с позиции определения его надлежащих субъектов, а также их прав и обязанностей. Иными словами, норма права позволяет судье воспользоваться своим применением не с целью установления обязанности ответчика с указанием на совершение им дей-

ствий или отказа от их совершения, одновременно закон, реализуясь в судебном акте, присваивает последнему признаки, присущие норме [8. С. 12], – выступать основанием возникновения правоотношения. Таким образом, судебное решение, вынесенное по преобразовательному иску, не выполняя регулирующей функции, показывает несостоятельность проявления свойства исполнительности отдельно от действий судьи через механизм государственного исполнения.

Второй проблемой, требующей рассмотрения, является факт признания: принудительное исполнение не всегда выступает эталоном эффективности воздействия решения суда на поведение обязанного лица [10. С. 40]. Конечно, это ни в коем случае не означает исключение из форм реализации права его принудительного исполнения. Однако подобное утверждение позволяет внести соответствующие коррективы в механизм исполнения, поскольку в судебной практике защита будет считаться осуществленной в момент, когда права, свободы и интересы заинтересованного субъекта в действительности восстановлены, – например, прекращено или изменено правоотношение. Иначе говоря, к преобразовательным судебным решениям применение мер принудительного характера, во-первых, нецелесообразно, поскольку весь спектр и механизм реализации определен самим судебным решением, во-вторых, применение самих мер принуждения невозможно в принципе. Отрицание подобного утверждения приведет к тому, что право, подтвержденное судом своим волевым решением, не найдя осуществления в фактическом (существующем) правоотношении, потеряет свою сущностную характеристику. Более того, возникает вопрос: с какой целью государство наделило суд волей своего принуждения, если эта воля облекается декларативными составляющими и сфера ее действия ограничивается только бумажным носителем? Общеизвестно что, любой процесс своей целью ставит и, видимо, находит реализацию вынесенного и вступившего в законную силу решения суда. Здесь решение судебного органа выступает не целью, а средством ее достижения. Другими словами, момент подтверждения судом своим решением реализации прав и обязанностей есть осуществление их реальной защиты. Прак-

тическая значимость подобного момента выполняет в системе защиты права достаточно весомую роль: с одной стороны, выражает характеристику предпосылок возникновения определенного материального правоотношения, с другой – реализация выступает мерилем эффективности правосудия и, как следствие, регулятором стабилизации общественных отношений. Таким образом, преобразовательное судебное решение вопреки действующей практике позволяет выявить проявление сочетаемости, когда суд своим решением реализовывает защиту субъективного права и его реализацию с момента его действительного осуществления (момент фактического удовлетворения требований истца). Здесь суд, рассматривая преобразовательное притязание лица, своим решением сообщает заинтересованным в процессе лицам, что применение мер принудительного характера в процессе исполнимости преобразовательного решения сводится к нулю, поскольку в соответствии с волей государства решения, вынесенные по конститутивному иску, исполнимы сами в себе. Более того, поскольку притязание истца направлено не к ответчику, а к суду, то данное притязание выступает основой особого рода правовой связи [11. С. 13], в которой предметом выступит охраняемый законом интерес (как предмет иска), а закрепленное законом право на предъявление притязания как одностороннего волеизъявления истца – основанием возможности существования преобразовательного решения судьи. Следовательно, преобразовательное судебное решение в момент своего вынесения (вступления в законную силу) наделяет жизнью определенное материально-правовое отношение, которое, с одной стороны, санкционировано государством в лице судьи как органа правосудия, с другой стороны, основу решения суда составляет то преобразовательное притязание, которое предъявляет истец. Совокупность указанных условий позволяет рассматривать отношения, вызванные к жизни судебным решением, самодостаточными в своей реализации, поскольку своей «жизнью» обязаны властному велению государства, основанному на правовой норме. Изложенное означает, что по конститутивному иску осуществление защиты права гражданского судом будет происходить непосредственно судебным решением, выступающим вопре-

ки общему правилу средством достижения преобразовательного притязания истца, заинтересованного скорее не в том, чтобы суд своим решением принудил ответчика к совершению определенного действия или бездействия, но чтобы судебное решение выступило одновременно фактом подтверждения притязания и основанием возникновения нового, совершенно отличного от уже существующего, правоотношения.

Аналогичная проблема, возникающая при проявлении классического свойства исполнимости у преобразовательных судебных решений, состоит в том, что законодатель называет ряд случаев, например расторжение брака, когда исполнимость судебного решения расширяется на несколько фаз: брак с момента вынесения решения признается недействительным по факту реализованной правовой нормы, а свое юридическое оформление получает посредством деятельности определенных субъектов, в приведенном примере – органов отдела ЗАГС. Здесь деятельность должностных лиц, государственных органов или иных субъектов выступает факультативным звеном процедуры изменения существующего правоотношения. Следует оговориться: судебное решение, являясь основанием преобразования правоотношения, позволяет специальным органам раскрыть свою специфику через совершение предписанных им действий. Поэтому, рассмотрев дело о расторжении брака, судья выносит соответствующее решение, которое, определив правовое положение разводящихся супругов, одновременно содержит предписание для органов ЗАГС внести в Единый реестр записей о заключении и расторжении браков запись о том, что брак расторгнут. Другими словами, реально брак считается расторгнутым с момента вынесения решения, а официально с момента внесения записи об этом в Единый реестр органов ЗАГС. Иначе говоря, право истца подтверждено на бумаге (судебным решением), а право из бумаги возникает только с момента внесения соответствующей записи. Таким образом, проявление свойства исполнимости судебного решения как бы «зависает» на определенный срок – с момента выдачи судебного решения на руки заинтересованной стороне до передачи его должностному лицу. Указанное свидетельствует: итог разрешения правового спора, возникшего между субъекта-

ми правоотношения, на разрешение которого был направлен весь механизм государственного урегулирования конфликта, напрямую зависит от расторопности государственных органов. На деле это нередко приводит к тому, что судебный орган, вынесший решение по преобразовательному иску, дополнительно выносит соответствующее постановление о внесении изменения и дополнения в Единый реестр. Иными словами, судебно-процессуальный порядок в данном случае направляется на реализацию уже исполнившегося решения в виде разъяснения государственному органу факта вступления своего решения. Более того, если это необходимо, суд определяет, какой орган должен совершить подобное действие с указанием, что данный административный субъект реализует принудительное применение норм права [12. С. 14]. Таким образом, реализация исполнимости преобразовательного решения суда как бы искусственно подвергается усложнению, загромождению элементами ненужных правовых конструкций. Подобного рода прием, видимо, свидетельствует, о попытке законодателя создать некую сферу застрахованности в исполнимости решения суда по преобразовательному иску, однако это приводит к дублированию и подмене ряда действий государственных органов, компетенцию которых составляет как применение правовых норм, так и разрешение конкретного правового спора.

Резюмируя, следует отметить, что раскрытие исполнимости судебного решения, вынесенного по преобразовательному иску, встречает ряд проблем, свидетельствующих не столько о необычности (отличности) конститутивного решения, сколько об отсутствии конкретики механизма существования судебного решения, вынесенного на основе преобразовательного притязания. Поэтому исследование проблем исполнимости следует строго ограничивать рамками определения понятия исполнимости и самой спецификой судебной защиты. Подобный подход позволяет выделить проблемы осуществления решений. Точнее, не проблемы, а критерии непохожести исполнения преобразовательных решений от иных видов решений суда. Именно момент сочетаемости притязания истца и непохожести исполнимости судебного решения, вынесенного по данному притязанию, выступает аргументом в пользу уточнения норм материального

права, наделяющего судью квазиправом на созидание правоотношения. В противном случае судебные решения, выступившие результатом рассмотрения преобразовательного иска, окажут немаловажное влияние на юридические отношения, еще не захваченные машиной правосудия, а также выступят своеобразным источником информации для адвокатов и иных консультантов, дающих своим клиентам рекомендации о целесообразности предъявления подобного рода исков [13. С. 22], фактически лишая смысла конструкции преобразовательного судебного решения.

Список литературы

1. Кузнецов В. Ф. Правовой механизм принудительного исполнения судебных актов и других постановлений. М., 2003.
2. Клинова Е. В. Проявление законной силы судебного решения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
3. Гладышев С. И. Исполнительное производство в английском и российском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
4. Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве». М., 1999.

5. Треушников А. М. Реализация судебных решений по искам о признании // Законодательство. 2000. № 7. С. 49–52.

6. Князев А. А. Законная сила судебного решения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

7. Гринько Ю. И. Исполнение судебных решений. Казань, 1969.

8. Чан И. Законная сила судебного решения в советском гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1960.

9. Завидов Б. Д. Защита гражданских прав по законодательству России // Законодательство. 2000. № 1. С. 3–12.

10. Завадская Л. Н. Реализация судебных решений. М., 1982.

11. Гурвич М. А. Судебное решение. М., 1976.

12. Николаева Н. А. Судебный надзор за законностью в советском гражданском управлении. Л., 1973.

13. Кудрявцева Е. В. Судебное решение в английском гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986.

Материал поступил в редколлегию 10.10.2009

I. A. Kosheleva

THE PROBLEMS OF JUDICIAL DECISION ENFORCMENT IN CASE OF CONVERTIBLE CLAIMES

In the article the problems of judicial enforcement in case of convertible claims, are observed. The causes of considerable restrictions on the enforcement of such decisions in practice, are mentioned.

Keywords: convertible claim, judicial, enforcement.